

ЖИХАРЕВА НАТАЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент
Горловского института иностранных языков

ГРУНИСТАЯ АЛЬБИНА РУСЛАНОВНА

ассистент

Донбасской национальной академии строительства и архитектуры,

аспирант

Горловского института иностранных языков

Грамматические особенности построения косвенных речевых актов для выражения речевой агрессии (на примере романа Иэна Макьюэна «Закон о детях»)

Аннотация: Речевая агрессия, в последнее время, становится все более распространенным явлением в рамках различных типов дискурса. Несмотря на это, мы не можем охарактеризовать данное явление как позитивное. Речевая агрессия достаточно радикально вторгается в личное пространство человека, влияя на его приоритеты, принципы, намерения и т.д. В связи с этим все больше внимания уделяется механизмам построения речевых актов, содержащих в себе элемент агрессии, который может как быть выраженным прямо, так и быть скрытым. Выявлению элемента агрессии в рамках речевого акта помогают определенные маркеры. К данным маркерам можно отнести и некоторые грамматические явления, рассматриваемые в данном докладе.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт, косвенный речевой акт, грамматические особенности, маркеры, речевая агрессия, манипуляция.

Abstract: Speech aggression has recently become an increasingly common phenomenon within various types of discourse. In spite of this, we cannot characterize this phenomenon as a positive one. Speech aggression invades a person's personal space quite radically, influencing his priorities, principles, intentions, etc. As a result, greater attention is paid to the mechanisms of constructing speech acts containing an element of aggression, which can be expressed both directly and implicitly. Certain markers help to determine the presence of an element of aggression in the context of a speech act. Some grammatical phenomena that can also be attributed to these markers are regarded in the present paper.

Keywords: speech act theory, speech act, indirect speech act, grammatical peculiarities, markers, speech aggression, manipulation.

Косвенные речевые акты достаточно широко используются в различных типах дискурса. Иногда их использование не обуславливается намерением нанести вред адресату речи (слушающему), повлиять на его мнение и т.д. Тем не менее, все чаще их использование связывают именно с попыткой манипуляции.

Прежде всего, обратимся к самому понятию речевого акта и косвенного речевого акта, как его разновидности.

Понятие речевого акта было сформулировано ученым-лингвистом Дж. Остином, который и ввел данное понятие: «Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [2, с. 412]. Дж. Остин определил речевой как минимальную коммуникативную единицу и выделил в его структуре три составляющих элемента:

- локуцию – непосредственно акт произнесения речевого акта;
- иллокуцию – вкладываемый адресантом речи смысл;
- перлокуцию – эффект, который ожидает получить адресант речи и который будет отображаться в изменении поведения, хода мыслей, убеждений адресата и т.д.

Другой ученый, Дж. Серль, внес некоторое дополнение в теорию речевого акта Дж. Остина, выделив в ней две разновидности речевых актов: прямой речевой акт и косвенный. Что касается прямого речевого акта, то он имеет ту же структуру и характеристики, которые описал Дж. Остин. Прямой речевой акт имеет в своей структуре только одну иллокуцию, которая и будет прямо выражена через локуцию. Косвенный речевой акт имеет две иллокуции в своей структуре: прямую и косвенную. Прямая иллокуция будет прямо выражена через локутивный акт, в то время как вторая, косвенная, будет скрыта, а ее наличие будет требовать от адресата речи компетентности в том, чтобы суметь распознать ее и правильно интерпретировать.

Однако, возникает вопрос, как распознать косвенный речевой акт? Прежде всего, следует отметить тот факт, что существует два типа косвенных речевых актов, а именно имплицитные и полуимплицитные.

Особенность имплицитных речевых актов состоит в том, что на наличие косвенной иллокуции не будет указывать ничто, кроме, разве что, экстралингвистических факторов. Наличие косвенной иллокуции в речевом акте можно понять только из контекста, и вырванный из контекста речевой акт этого типа будет терять косвенную иллокуцию. Другими словами, под формой одного речевого акта будет скрыт другой тип речевого акта, например в квеситиве может быть заложена косвенная директивная иллокуция.

Что касается полуимплицитных актов, то в данном случае мы будем говорить о наличии так называемых маркеров, которые и будут указывать на наличие косвенной иллокуции. Данные маркеры могут быть отнесены к грамматическим, лексическим, стилистическим особенностям построения речевого акта. Тем не менее, само наличие маркера не говорит о том, что косвенная иллокуция обязательно присутствует в рассматриваемом речевом акте, оно лишь указывает на возможность ее наличия в составе иллокуции речевого акта.

Понятие «маркера», в данном случае будет совпадать с понятием «дискурсивного маркера», который И. В. Кожухова определяет «как средства связности дискурса, сигнализирующие об «отношении высказывания к его непосредственному контексту» [1, с. 296].

К маркерам, которые будут указывать на наличие в речевом акте косвенной иллокуции, будет относиться употребление модальных глаголов, вводных слов и т. д.

Анализ материала романа Иэна Макьюэна «Закон о детях» позволил нам выделить определенные грамматические особенности в построении косвенных речевых актов речевой агрессии.

В первую очередь стоит отметить тот факт, что большинство косвенных речевых актов, а среди них и тех, в которых присутствует элемент агрессии, реализуются в виде квеситивов, однако иллокуция вопросов у них довольно слабо выражена. Это объяснимо тем, что косвенный речевой акт, реализуемый в виде квеситива, косвенно утверждает те или иные положения, либо намекает на них достаточно ясно.

Среди проанализированных нами косвенных квеситивов наиболее распространены два вида высказываний, а именно: общий и специальный вопрос. Общий вопрос вводится не столько с целью уточнения информации, сколько для того, чтобы косвенно предъявить оппоненту обвинение или сообщить свою точку зрения, согласно с которой правда на стороне адресанта речи. Например,

«*Cult is a strong word, Mr. Carter*», *Grieve said quickly. «Do you yourself have any religious belief?»*

«*I'm an Anglican*».

«*Is the Church of England a cult?»* [3, с. 31].

В данном случае, адресант речи указывает своему оппоненту на то, что религия его подзащитных не должна восприниматься как культ, но заслуживает такого же уважения к ее традициям и нормам, как и любая другая, в том числе и его собственная, а, соответственно, оппонент должен согласиться с доводами адресанта и принять его сторону в обсуждаемом вопросе, а именно в данной конкретной ситуации – выборе типа лечения для ребенка.

Что касается специальных вопросов, то прослеживается тенденция к использованию вопросительного слова *what*. Использование квеситивов данного типа дает возможность создать атмосферу нелепости выстраиваемой оппонентом речи защиты в ответ на речевую агрессию. Например, «*So you kissed him and he wanted to live with you. What are you trying to tell me?»* [3, с. 84].

Также, наблюдается достаточно большое количество квеситивов в виде риторических вопросов. Например,

«*What do you want, Jack?»*

«*I'm going to have this affair*».

«*You want a divorce*» [3, с. 7].

В данном случае, из-за достаточно долгого предшествующего обсуждения вопроса, данный квеситив выполняет функцию риторического

вопроса, так как не несет в полной мере своей квеситивной функции, а является отображением эмоционального истощения и раздражения адресанта речи по отношению к своему оппоненту, которые никак не может принять очевидное.

Стоит отметить, что некоторые из них являются лишь повторением части предыдущей реплики, реализованной оппонентом речи, только с вопросительной интонацией. Вместе с тем, встречаются и безличные квеситивы, которые добавляют категоричности высказыванию. Например:

It was hardly a question, but he answered it calmly. «I need it. I'm fifty-nine. This is my last shot. I've yet to hear evidence for an afterlife».

A pretentious remark, and she had been lost for a reply. She simply stared at him, and perhaps her mouth was open. In the spirit of the staircase, she had a response now, on the chaise longue. «Fifty-nine? Jack, you are sixty! It's pathetic, it's banal» [3, с. 5-6].

Что касается использования временных конструкций, то наиболее распространенным является время Present Indefinite. Данную тенденцию мы связываем в первую очередь с желанием адресанта актуализировать предмет дискуссии в большей степени, наделяя его, таким образом, большей степенью важности.

Наблюдается также и использование времени Past Indefinite. В данном случае мы говорим о том, что с помощью использования данного времени адресант речи производит отсылку к прошлому, используя освещаемые им факты для обвинения адресата, понижения его авторитетности в обсуждаемом вопросе и т.д. Например, «*Yes you do. Didn't you once tell me that couples in long marriages aspire to the condition of siblings?»* [3, с. 8].

Также наблюдается использование временных конструкций времени Present Perfect как способ передачи адресантом речи глубоких эмоциональных переживаний, с целью подчеркнуть заинтересованность в предмете дискуссии, большую, по сравнению с отношением адресата, озабоченность относительно благополучного разрешения проблемы, а также неправильную позицию адресата в отношении предмета спора, его эмоциональную, физическую и психологическую невовлеченность в сферу обсуждаемого предмета.

Примеры использования сослагательного наклонения в построении речевых актов, содержащих косвенную иллокуцию, также присутствуют в анализируемом нами материале. Данный подход позволяет адресанту речи сделать свою речь более личностно-ориентированной по отношению к адресату, говорящий заставляет задуматься своего оппонента над тем, что бы тот сделал, находясь в похожей ситуации, порождает сомнения в его сознании с тем, чтобы более удобно было убедить адресата в непогрешимости преподносимых суждений.

Достаточно часто встречается использование модальных глаголов, а именно: *would, should, could, must*. Наиболее часто среди них встречается модальный глагол *would*. Данное явление объясняется тем, что адресантами речи в большинстве случаев избирается не тактика обвинения при проявлении речевой агрессии, а тактика, при которой адресант задает вопрос таким

образом, как будто допускает возможность наличия у адресата другого мнения, однако его несогласие принимать точку зрения говорящего ставит его в невыгодное положение, создает впечатление, что оппонент выступает против общепринятой морали, которую олицетворяет собой говорящий. Данная тактика приводит к тому, что оппонент находится в очень невыгодной для себя речевой ситуации, найти достойный выход из которой крайне сложно, его личность зачастую также подвергается дискредитации, что не делает его дальнейшие слова равными по степени значимости высказываниям адресанта.

Что касается модальных глаголов *should*, *could*, *must*, то стоит отметить, что они, в большинстве случаев будут использоваться в речевых актах адресанта речи с целью косвенного осуждения адресата, указывая на наличие необходимости поступить иначе или упущенной возможности сделать правильный выбор.

Встречается также и употребление модального глагола *shall*. В большинстве случаев использование данного модального глагола несет оттенок значения предложения или приглашения: «*Your hair. Shall I get you a towel?*» [3, с. 77].

В отношении синтаксических конструкций используемых речевых актов стоит отметить, что преобладает использование сложноподчиненных предложений над простыми. Вместе с тем, просматривается тенденция к использованию вводных конструкций, которые, в своем большинстве, выражают принадлежность выражаемого далее мнения адресанту или адресату речи. В первом случае, адресант речи подчеркивает таким образом свою компетентность в данном вопросе и придает вес предоставляемой информации. Например, «*Tactically astute, he ignored her ultimatum. Instead he said, «I don't think we should give up, do you?»*» [3, с. 14]. Во втором случае, адресант пытается провести связь между неприемлемым с моральной точки зрения суждением и адресатом речи, негласно приписывая ему авторство в данном вопросе. Например: *Grieve said, «You accept, do you not, Mr. Carter, that the freedom of choice of medical treatment is a fundamental human right in adults?»* [3, с. 31].

Использование пассивного залога в структуре косвенных речевых актов также встречается в рамках анализируемого нами произведения. Например, «*Very well. But at the time of these Iron Age texts, transfusion didn't exist. How could it be forbidden?*» [3, с. 30]. В данном случае, адресант речи говорит о неверности суждения своего оппонента через описание проблемы в общем, без отсылки к личности адресата, что, тем не менее, не мешает достижению необходимого перлокутивного эффекта высказывания.

Достаточно широко распространено также и построение косвенного речевого акта, в котором отрицательная частица *not* стоит в начале высказывания. Данное явление характерно как для квеситивов, так и для констативов, и других типов речевых актов. Например, «*Not with this gun to my head*» [3, с. 14] или «*Isn't it the case the Jehovah's Witness patients are regularly treated now by what's called bloodless surgery?*» [3, с. 32].

Присутствуют также случаи усиления категоричности высказывания через конструкцию с начальной позицией союза условия *because*, например: *She said, «Because if you are I'd like you to pack a bag now and live»* [3, с. 13]. Также встречаются примеры конструкций предложений, которые начинаются с противительного союза *but*: *«But to refuse in a case like Adam's wouldn't be irrational»* [3, с. 32].

Таким образом, можно говорить о том, что какие-либо отклонения от грамматических норм в структуре речевого акта могут быть рассмотрены как маркеры, указывающие на наличие косвенной иллюзии, содержащей элемент речевой агрессии.

Список литературы

1. *Кожухова И.В.* Маркер «actually» в английском (EFL) конвенциональном дискурсе. Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 6 (717). С. 295–303.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
3. *McEwan I.* The Children Act. New York: Penguin Random company, 2014.

ЖУРАВЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВОЛЬДЕМАРОВНА

*кандидат филологических наук, доцент
Московского педагогического государственного университета*

Синкретизм религиозно-эстетических систем мировидения в Латинской Америке

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с синкретичным мировосприятием христианства и традиционных индейских верований и их отражение в национальной изобразительной культуре, фольклоре и языке. Цель работы - проанализировать некоторые религиозные концепты и способы их изобразительной репрезентации. Исследуется универсальность и уникальность явлений, составляющих национальную культуру.

Ключевые слова: национальная культура, национальные языки, синкретизм, изобразительность, ритуал, фольклор, концепт.

Abstract: The article examines the syncretic worldview of Christianity and traditional Indigenous beliefs and their reflection in the national visual culture, folklore and language. The purpose of this article is to analyze some religious concepts and ways of their pictorial representation. The universality and singularity of the phenomena of national culture are investigated too.

Key words: national cultura, national languages, syncretism, figurativeness, ritual, folklore, concept